

ЗА ВИННОЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Курт Мейер

НЕМЕЦКИЕ ГРЕНАДЕРЫ

ВОСПОМИНАНИЯ
ГЕНЕРАЛА СС

1939–1945

Курт Мейер

**Немецкие гренадеры.
Воспоминания
генерала СС. 1939-1945**

«Центрполиграф»

Мейер К.

Немецкие гренaдeры. Вoспoминaния гeнeрaлa СС. 1939-1945 /
К. Мейер — «Цeнтрпoлигрaф»,

Гeнeрaл-мaйoр вaффeн СС Курт Мейер oписывaет срaжeния, в кoтoрых учaствoвaл вo врeмя Втoрoй мирoвoй вoйны. Он кoмaндoвaл мoтoциклeтнoй рoтoй, рaзвeдывaтeльнoм бaтaльoнoм, грeнaдeрским пoлкoм и тaнкoвoй дивизией СС «Гитлeрyгeнд». Бoевыe пoдрaздeлeния Брoнирoвaннoгo Мейeрa, кaк eгo прoзвaли в вoйскaх, были учaстникaми жaрких бoев в Еврoпe: втoржeния в Пoльщу в 1939-м и Фрaнцию в 1940 гoду, oккупaции Бaлкaн и Грeции, жeстoких срaжeний нa Вoстoчнoм фрoнтe и кaмпaнии 1944 гoдa в Нoрмaндии, гдe дивизия была пoчти уничтoжeнa. Мейeр пoпaл в плeн к сoюзнoй кoaлиции и прeдстaл пeрeд вoeнным судoм.

Содержание

Польская кампания 1939 года	5
От Праги на Западный фронт	11
Наступление на Роттердам и Гаагу	15
Вторжение во Францию	17
Формирование разведывательного батальона в Меце	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Курт Мейер

Немецкие гренадеры. Воспоминания генерала СС. 1939—1945

Польская кампания 1939 года

«Внимание! Танки, вперед!»

Мы все стояли и ждали этого момента. Наши глаза (в которых уже начинало рябить) были прикованы к стрелкам часов.

На заре взревели двигатели машин. Мы увеличивали скорость, шли все быстрее и быстрее, до самой границы. Я напряженно вслушивался в тишину утренних сумерек. В любой момент, расчищая нам путь на восток, должны были начать свой смертоносный полет первые снаряды нашей артиллерии. И вдруг шипение, завывания и пронзительный визг повисли над нами, создавая впечатление еще большей нашей собственной скорости, которую мы ощущали каждым своим нервом. Приближаясь к границе, мы бросили беглые взгляды на наши штурмовые группы, в то время как они стремительно двигались к пограничным ограждениям и разрушали препятствия фугасными зарядами. Пулеметный огонь прошелся по улице, а короткие ослепительные вспышки взрывающихся гранат осветили цели. Наши танки и бронемашин на полной скорости ворвались в деревню Гола. Штурмовые отряды пехоты захватили мост через реку Просна – он уже был подготовлен к подрыву и попал в наши руки невредимым. В считанные минуты деревня была занята. Польские солдаты вылезали со своих позиций, ошарашенные и ошеломленные, и шли к нам с поднятыми руками. Они еще до конца не верили, что всего через десять минут после начала боевых действий война для них закончилась.

Я остановился перед телом польского офицера. Пуля пробила ему горло. Теплая кровь хлестала из раны. Да, это была война! Эта первая смерть, увиденная мною на этой войне, со всей ясностью запечатлела в сознании ее мрачную реальность.

Но надо было двигаться дальше! Вывороченные с корнем деревья и догоравшие дома затрудняли продвижение. Мы едва различали дорогу. Поднимавшийся от земли туман смешивался с дымом от взрывов снарядов и бомб.

Я не мог оставаться со штабом полка. Миновав Голу, я двигался вперед с разведывательным дозором. Конечно, в качестве командира роты СС истребителей танков у меня были совершенно другие обязанности. Атака танков противника не ожидалась, и к тому же моя рота была распределена по частям между отдельными батальонами нашего полка. Меня не устраивал такой характер боевых действий, поэтому я тайно последовал за наступающими танками. С 1934 года я наблюдал за развитием танков как оружия на учениях у Дёберица, а позднее у Вюнсдорфа и Цоссена. Теперь же я оказался на войне в качестве истребителя танков.

Клубящаяся пыль и туман все еще висели в воздухе, когда я увидел два наших танка и мотоциклетный взвод. Видимость была менее 300 метров. Вдруг зловещая тишина была прервана ударом снаряда польской противотанковой пушки. Первый танк завертелся и, весь в дыму, встал. Его катки еще вращались, когда второй танк тоже был подбит. Оба наших танка находились на расстоянии около 150 метров от противотанковой пушки, позиция которой была хорошо замаскирована.

Снаряд за снарядом пробивали броню наших танков, а пулеметные очереди поливали улицу, заставив нас искать укрытие. Мы слышали крики экипажа танка-разведчика и были вынуждены лишь наблюдать, не имея возможности прийти на помощь. Каждый раз, когда новый снаряд, пробив броню, проникал внутрь танка, крики наших смертельно раненных тан-

кистов, остававшихся внутри, становились громче. Мы пытались помочь своим товарищам, которые сумели покинуть подбитые танки и выйти из-под обстрела, но это было невозможно. Пулеметы противника били по улице. Их огонь переместился вслед за танкистами, которым удалось выбраться из своих разбитых и горящих машин. Крики тех, кто остался в подбитых танках, становились слабее. Я лежал за кучей гравия. Как замороженный смотрел на кровь, сочившуюся из пробоин в броне первого танка. Я был будто парализован, не видел тех польских солдат, которые стреляли, но мои товарищи уже лежали мертвые, прямо передо мной.

Из тумана галопом выскочила польская кавалерия. Она мчалась прямо на нас, и ее не останавливал огонь моего автомата МР.38. Только когда огонь мотоциклетного взвода скошил нескольких лошадей и всадников, яростный кавалерийский отряд ускакал обратно в туман. Наша артиллерия обрабатывала высоту перед нами, в то время как гренадерский танковый батальон штурмовал позиции противника. Молодые гренадеры двигались так, будто были на учениях. Их невозможно было остановить ни пулеметным, ни артиллерийским огнем. Бесчисленное, как казалось, множество солдат шли при поддержке танков в наступление на противника.

Я смотрел, пораженный, как атака проходила прямо передо мной. Танки стремительно рвались вперед. По мере того как атака наращивалась, поляки сметались с занимаемых позиций. Наступление продолжалось, почти не встречая сопротивления; его не могли остановить ни противник, ни естественные преграды. Каждый из наступавших немецких солдат был убежден в справедливости этой войны и, не колеблясь, отдавал свою жизнь за права своего народа. Для этих молодых воинов война с Польшей была не агрессией, а устранением несправедливости. Они хотели ликвидировать позорное наследие Версаля – вернуть потерянные в 1919 году территории и пресечь притеснения немцев, ставших разделенным границами народом. Свою силу немецкие солдаты черпали из своих устремлений.

Эти молодые люди были элитой нации. Их отобрали из тысяч добровольцев, и они прошли интенсивную подготовку в течение четырех лет. Полк (с августа 1940 года бригада, с июня 1941 года дивизия) СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» набирали из солдат, которым к началу войны исполнилось девятнадцать лет; военнослужащим унтер-офицерского состава было около двадцати пяти лет. Очевидно, что эти молодые люди не оказали никакого влияния на политические события 1933 года. В 1933 году они были еще школьниками, стремившимися к каким-то идеалам и желавшими посвятить себя служению этим идеалам. Как же их отблагодарили, какую дурную славу о себе им пришлось вытерпеть, и как с ними обращаются даже теперь? Но 1 сентября 1939 года эти солдаты не могли знать, что через несколько лет станут козлами отпущения для злобных политиков. Они были честными воинами, выполняющими свой долг, как подобает прусскому солдату.

Примерно в 10.00 городок Болеславец сдался после яростного штурма и уличных боев. Огонь артиллерии противника градом обрушился на этот населенный пункт, вызвав жертвы среди населения. К наступлению ночи мы уже были вблизи Верушува и готовили атаку на следующее утро. Моторизованный полк СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» был придан 17-й пехотной дивизии и должен был прикрывать ее правый фланг от возможных атак польской кавалерийской бригады.

Надвигавшаяся темнота скрывала разрушения, произведенные днем. Ужасная картина поля боя была видна только вблизи. На горизонте поднималось зарево от горящих деревень, над оскверненной землей стелился густой дым. Мы молча сидели за полуразрушенной стеной, пытаясь осмыслить первый день боев, и слушали отрывки из исторической речи Гитлера. «Я решил разрешить вопрос с Данцигом и польским коридором и найти способ убедиться в том, что изменение в отношениях между Германией и Польшей сделает мирное сосуществование между нами возможным». Слова фюрера еще долго эхом отдавались у нас в ушах.

Наш полк снова вступил в бой за рекой Вартой в составе 17-й пехотной дивизии и продвинулся в направлении Пабьянице близ Лодзи. 7 сентября, примерно в 10.00 мы достигли окраин Пабьянице и получили приказ занять оборону к югу вдоль холмов, протянувшихся через Рзгов-Воля, Ракова и Лодзь. Значительные силы противника с противотанковыми средствами заняли Пабьянице. Атака 1-го батальона 23-го танкового полка только что была отбита державшими оборону поляками. На поле боя остались наши поврежденные и разбитые танки. Они были выведены из строя польскими противотанковыми ружьями.

Моторизованный полк «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» продолжил выполнение боевой задачи и сразу же приступил к штурму. 1-я и 2-я роты ворвались в город, за ними последовали другие подразделения. Эта яростная атака вынудила поляков отступить в центр города, однако затем против выдвинувшихся флангов полка последовали мощные контратаки противника.

2-й батальон 46-го артиллерийского полка всеми силами удерживал свои огневые позиции, отбивая настойчивые контратаки польской пехоты. Польские части шли вперед напролом, не считаясь с потерями. Командный пункт полка вдруг стал участком главного удара. Всем писарям и водителям так же пришлось сражаться. Поляки вышли к командному пункту через картофельное поле, и, поскольку ботва обеспечивала прекрасную маскировку и скрывала наступающих, мы не смогли их разглядеть, пока они не оказались на расстоянии броска гранаты. Остановить противника, подходившего все ближе, казалось, было невозможно. Тогда я вскочил на ноги и из положения стоя стал стрелять по картофельному полю. Только так можно было попасть в подползавших поляков. Справа от меня гренaдер из 13-й роты вел по ним огонь так, будто находился на стрельбище, очередь за очередью. Наша «стрельба по мишеням» продолжалась недолго. Вдруг я обнаружил себя опять на дне окопа, отброшенным туда пулей, задевшей мое плечо. Мой сосед был убит, получив пулевое ранение в шею. Никогда больше я не буду пытаться остановить атаку из положения стоя. Атаки продолжались с упорством, проявленным с обеих сторон, и только ближе к вечеру наступил момент, когда поляки были сломлены. Они сотнями сдавались в плен и отправились в долгий путь, уготованный военнопленным. Тем временем XVI танковый корпус подступил к Варшаве и завязал бой с польскими частями и соединениями, оборонявшими город, а также с остатками польских войск, прорывавшихся в восточном направлении. Командир танкового корпуса генерал Геппнер приветствовал передовые подразделения нашего полка в Надаржине. Мы придавались 4-й танковой дивизии этого корпуса.

«Лейбштандарт «Адольф Гитлер» получил приказ удерживать рубеж Капуты – Олтаржев – Доманев и не давать польским частям, выходящим из окружения, прорываться с запада к Варшаве.

Находясь на марше, 1-й батальон моторизованного полка СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» получил приказ изменить направление и двигаться на север к Олтаржеву. Моторизованная пехота следовала за отрядами мотоциклистов, танками и бронемашинами. Колонны наших войск скрылись в ночи.

Генерал Геппнер не сомневался в исходе войны в Польше, но предвидел тяжелые бои для своего XVI танкового корпуса. Он полагал, что польские войска, все еще сражавшиеся в окружении к западу от Варшавы, приложат все силы к тому, чтобы прорваться к столице через наши позиции. Через несколько километров стало очевидно, что наступающая ночь принесет с собой тяжелый бой. Нам приходилось пробиваться через пригороды Варшавы. Из Олтаржева доносился громкий шум боя. 1-й батальон полка СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» достиг основного рубежа развертывания и вел бой со значительными силами противника. На дороге отступающие польские колонны смыкались друг с другом и образовался полный затор. В течение ночи они были полностью уничтожены. Сотни убитых лежали среди обломков. Вся дорога была завалена разбитыми артиллерийскими орудиями, другим вооружением, брошен-

ными боеприпасами. Беспощадное сражение продолжалось до утра, и обе стороны ожидали, измотанные, когда наступит рассвет, чтобы разобраться в ситуации.

Когда рассвело, стал виден весь ужас произошедшего. На дороге и близ нее было убито не только множество польских солдат. Нашим огнем были расстреляны и смешавшиеся с войсками колонны беженцев. Мертвые и раненые лошади повисли в своей упряжи у разбитых повозок. Плачущие дети хватали своих мертвых матерей или матери своих мертвых детей. Раненые выползали из обломков и зывали о помощи. Полевой перевязочный пункт скоро переполнился. Поляки и немцы вместе помогали пострадавшим. Не было слышно ни единого выстрела. Война была приостановлена. Беженцам не повезло – они отступали из Познани и присоединились к войсковым колоннам, что, как им казалось, обеспечивало им защиту, а попали в мясорубку.

Эта ночь впервые по-настоящему открыла нам истинное лицо войны. Теперь уже больше не существовало никакой разницы между солдатом и гражданским лицом. Современное оружие уничтожало и тех и других. Я не видел ни одного смеявшегося немецкого солдата на «дороге смерти» у Олтаржева. Ужас коснулся их всех. Сентябрьское солнце ярко освещало залитую кровью дорогу. Более чем 1000 польских пленных было приказано убрать завалы. Шестьсот человек были направлены к позициям противника с предложением капитулировать.

Одна-единственная противотанковая пушка уничтожила бронепоезд противника; взрывавшиеся боеприпасы со страшным грохотом взлетали на воздух и полностью уничтожили поезд. В следующие два дня мощные атаки противника обрушились на позиции, удерживаемые 2-м батальоном 33-го пехотного полка, 2-м батальоном 35-го танкового полка и нашим полком. Но польские атаки были бесполезны.

Напрасно я просил командира позволить мне расширить круг моих обязанностей и принять более активное участие в сражении. Я должен был довольствоваться командованием ротой, которая разбросана по всему нашему полку повзводно. Я напоминал командиру при каждой возможности, что я танкист и мотоциклист, и чувствовал себя абсолютно ненужным на занимаемом в данный момент месте. Но все бесполезно; на данный момент я оставался истребителем танков.

В течение ночи с 12 на 13 сентября сильная часть противника прорвалась через позиции 2-го батальона нашего полка; тотальный прорыв казался неизбежным. Рано утром мы получили донесение о том, что 6-я рота «Лейбштандарта» смята, а командир роты убит. Он всегда был мне близок; мы служили в одном полку с 1929 года. Однако мы посчитали невероятным то, что сообщалось в донесении о неизбежном прорыве. Мы просто не верили, что противник мог прорваться через наши оборонительные позиции.

Получив приказ выяснить, верно ли то, что говорится в сообщении, я прыгнул на сиденье водителя мотоцикла с коляской. Вместе со мной отправился оберштурмфюрер СС Пфайфер, и мы поехали в направлении Блоне (Пфайфер погиб несколько лет спустя, командуя танковой ротой). Отъехав, мы быстро помчались по «дороге смерти», чтобы как можно скорее избавиться от надоедливых мух. К тому же трупы лошадей жутко воняли.

В нескольких сотнях метров от Свечицы я увидел двух польских солдат и солдата 6-й роты «Лейбштандарта», находившихся за небольшим мостом. Поведение всех трех солдат показалось мне таким странным, что я резко затормозил, спрыгнул с мотоцикла и зашагал к этой группе стоявших в окопе. И только когда уже подошел к краю окопа, я понял причину странного поведения немецкого солдата. Он был взят в плен этими польскими солдатами и смотрел на меня в изумлении, когда я один шел к ним. Проклятие, мне опять чертовски повезло! Только автомат MP.38 Пфайфера не дал полякам отправить меня на тот свет. Действительно, наша 6-я рота была атакована и разбита; командир роты лежал убитый в окопе в нескольких сотнях метров отсюда. Пфайфер и я проследовали дальше к Свечице и вскоре

нашли нашего павшего товарища. Его грудь была пробита пулями. Зеппель Ланге погиб как настоящий солдат; мы его никогда не забудем.

Потеснившие нас части противника были уничтожены в течение дня; линия фронта была восстановлена.

Моторизованный полк СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» и 4-я танковая дивизия XVI танкового корпуса Геппнера были задействованы в сражении на Бзуре с целью не дать прорывавшимся из окружения разрозненным частям и соединениям польской армии переправиться через реку. Поляки атаковали с огромным упорством и вновь доказали, что умеют умирать. Было бы несправедливым отказать им в мужестве. Сражение на Бзуре было отчаянным и ожесточенным. Кровь лучших из поляков смешалась с водами реки. Потери поляков были ужасны. Все их попытки прорваться были отражены нашим артиллерийским огнем с подготовленных позиций.

Соппротивление поляков здесь было окончательно сломлено 18 сентября, после чего нам было приказано атаковать крепость в Модлине. Тяжелые бои с польскими войсками, пытавшимися прорваться к Варшаве, завязались в лесистом районе к югу от Модлина. 1-й батальон «Лейбштандарта» был атакован и окружен превосходящими силами противника.

19 сентября в 7.00 генерал-лейтенант Рейнхардт приказал атаковать, чтобы выручить наш 1-й батальон, а также прорваться к реке Висле. Атаку поддержал 2-й батальон 35-го танкового полка.

Вязкие песчаные дороги очень затрудняли движение, и колесный транспорт мог двигаться только очень медленно. Опять завязался жестокий бой, и, хотя положение поляков было безнадежным, они и не думали сдаваться, сражались до последнего патрона.

Во время атаки мы обнаружили останки оберштурмфюрера СС Брухмана и одного унтерфюрера СС 1-го батальона «Лейбштандарта». Оба они были ранены, взяты в плен и сильно изуродованы. Брухман был командиром взвода в моей роте и женился всего за две недели до начала войны.

Сражение за старую крепость Модлин (бывший русский Новогеоргиевск, мощная крепость, построенная русскими фортификаторами после 1832 года и перестроенная в конце XIX – начале XX века к началу Первой мировой войны. – *Ред.*) началось артиллерийской подготовкой и атаками пикирующих бомбардировщиков U-87 «Штука». Мы впервые столкнулись с разрушительным воздействием наших пикирующих бомбардировщиков и не могли понять, как польский гарнизон этой старой русской крепости мог столь долго выдерживать такой шквал огня. Вопреки нашим ожиданиям, польские части в Модлине оказывали упорное сопротивление и отбивали все атаки. Крепость пала только в самом конце кампании (30 сентября. – *Ред.*).

25 сентября Адольф Гитлер побывал на фронте, чтобы лично увидеть действия 15-й роты «Лейбштандарта» у Гузува (к западу от Варшавы).

Пехотные дивизии пришли на смену нашим танковым и моторизованным соединениям вокруг Модлина. А высвободившиеся мобильные силы были подготовлены для решающего наступления на Варшаву, которое началось бомбардировкой и сосредоточением артиллерийского огня и ударов авиации на фортификационных сооружениях и главных опорных пунктах. Основная бомбардировка города началась только вечером 26 сентября (по внешним фортам города и базам его снабжения – 25 сентября. – *Ред.*). Поляки пока не собирались сдаваться – для обороны столицы все еще оставалось 120 000 польских солдат, не считая ополченцев.

Поляки согласились сдать город только 27 сентября после полудня. Тогда и прекратились почти все боевые действия на фронте. Кампания в Польше практически закончилась (до 30 сентября сражался, как уже упоминалось, гарнизон Модлина, до 2 октября – гарнизон на полуострове Хель. – *Ред.*). 28 сентября командующий 8-й немецкой армией генерал Бласковиц подписал капитуляцию. Мы с изумлением выслушали великодушные условия, предложенные

полякам. Офицерам были оставлены их шпаги, а унтер-офицеров и солдат лишь на короткое время сделали военнопленными.

Очень скоро, 1 октября, моторизованному полку СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер», как и многим другим частям и соединениям, был дан приказ двигаться на запад. Все мы были уверены, что будем следовать маршем к берегам Рейна, однако ошиблись. 4 октября мы достигли Златы Праги, где нам разрешили остановиться на две недели. Полк с огромным восторгом был встречен немецким населением города; тысячи людей радостно приветствовали нас, когда мы появились на площади Венчеслава (Вацлава). Константин фон Нейрат, почтенный имперский наместник германского протектората Богемии и Моравии (в 1939–1942 годах. – Ред.), произнес в нашу честь хвалебную речь.

Я снова доложил полковому командиру в Праге о своей настоятельной просьбе откомандировать меня на исполнение других обязанностей. Мой опыт в Польше не принес мне удовлетворения, и я опасался, что останусь командиром роты СС истребителей танков в составе полка на все оставшееся время войны. В конце октября я принял командование мотоциклетной ротой СС. Это означало, что я буду в авангарде полка. И хотя я давно желал этого назначения, мне было жаль расставаться с ротой СС истребителей танков. Я сформировал свою роту в 1936 году и привязался к ней. Но все-таки было приятно осознавать, что мне позволили взять с собой командира взвода и нескольких унтерфюреров СС (командиров отделений). Кроме того, моему верному шоферу также разрешили служить со мной в 15-й роте «Лейбштандарта «Адольф Гитлер».

Наконец-то я был в своей стихии. Мы упорно тренировались каждый день. Мотоциклисты делали это с энтузиазмом, и я находил у них полную поддержку. Мой лозунг – «мотор – наше лучшее оружие» – целиком поддерживался моими солдатами. Всего за несколько недель я завоевал доверие своей новой роты и знал, что могу положиться на каждого отдельного мотоциклиста. Мы с интересом ожидали дальнейшего развития событий на Западном фронте.

От Праги на Западный фронт

Блицкриг в Польше дал солдатам надежду на то, что политики смогут завершить эту злосчастную войну и очередной военной кампании против западной союзной коалиции, может быть, удастся избежать. Наша иллюзорная надежда была вскоре разбита, когда мы узнали, что союзники в начале октября категорически отвергли мирные предложения Адольфа Гитлера. После этого для наших солдат стало очевидно, что война может быть завершена только огнем и мечом.

Вопрос о том, как может быть достигнута победа в войне над западными союзниками, завладел умами молодых гренадеров столь же сильно, как и умами самых опытных войсковых командиров. Все соглашались с тем, что одной только обороной нужного для страны результата не достичь. И точки зрения командиров и солдат были едины: если политическое взаимопонимание невозможно, то только генеральное наступление даст нужные всем нам результаты и мир.

В ноябре наша часть выдвинулась в район Кобленца и оказалась под командованием генерала Гудериана. Мы использовали опыт, накопленный в Польской кампании, и обучали солдат для выполнения новых задач. Составление планов, упражнения и учения непрерывно следовали одно за другим. Энтузиазм солдат, которыми я командовал, снова воодушевлял меня. Ни тяготы учений, ни зимний холод не охлаждали рвения молодых воинов. Боевая учеба продолжалась под лозунгом «Пот бережет кровь. Лучше вырыть десятиметровый окоп, чем однометровую могилу».

Моя рота разместилась в пустых домах в Бад-Эмсе, расположенном на берегу реки Лан. Пересеченная местность там очень подходила для нашей боевой учебы, так как мы знали, что наше наступление с XIX танковым корпусом Гудериана будет проходить через лесистые Арденны и мы столкнемся с проблемами на местности, похожими на те, которые нам предлагал Вестервальд, где мы базировались (как и Арденны, это часть Рейнских Сланцевых гор. – *Ред.*).

Гудериан проинспектировал каждую роту. Его упражнения по составлению планов были нам особенно интересны. Все его замечания служили нам прекрасным руководством. Он сказал, что «двигатель танка – ваше оружие, в той же степени, как и его пушка». Под командованием этого чрезвычайно опытного командира мы готовили себя к неизбежному наступлению на запад.

24 декабря 1939 года Адольф Гитлер посетил нас в Бад-Эмсе. Он беседовал с полком и сказал нам, какие надежды он на нас возлагает. Он намекнул на то, что скоро нам предстоит пройти по полям сражений, окропленных кровью наших отцов, в борьбе за прочный мир и сильную Европу.

В феврале 1940 года мы были переведены в состав группы армий «Б» фон Бока и выдвинулись на север. Непредвиденная отправка стала полной неожиданностью; мы бы предпочли оставаться с Гудерианом.

С переброской начался новый этап в нашей подготовке. Мы были приданы 227-й пехотной дивизии. Нам, как моторизованной части, было приказано с началом боевых действий перейти границу Голландии, прорваться через пограничные заставы и выйти к реке Эйссел. Выполнение этого приказа требовало движения войск на полной скорости – для того чтобы быстро захватить многочисленные мосты через каналы, и прежде всего через реку Эйссел. Мы постоянно тренировались в форсировании рек и каналов. Вскоре мы отработали все возможные в ходе боя ситуации и были уверены в том, что справимся с поставленной перед нами задачей.

Моя часть была расквартирована в Зальцбергене, и я остановился в доме священника. Именно там 1 мая я познакомился со знаменитым епископом Графом фон Галеном, который

через несколько лет будет бороться за пересмотр вынесенного мне смертного приговора и обратит внимание судей на то, что правосудие должно быть основано на христианских принципах. Граф фон Гален настоял на том, чтобы моя рота получила от него благословение.

С наступлением благоприятного сезона день, когда нам предстояло начать боевые действия, неизбежно приближался. День за днем мы ожидали кодового слова «школа Антона». 9 мая 1940 года код был передан и введена оперативная готовность. В 2.05 ночи 10 мая был дан следующий код – «Данциг». Это был окончательный приказ атаковать голландские пограничные укрепления. Мы вышли из Зальцбергена глухой ночью и тихо двигались в темноте. По обеим сторонам дороги стояли люди, махавшие нам на прощание рукой. Они желали нам удачи и скорейшего возвращения живыми и здоровыми.

Последние приготовления к атаке были завершены в 4.00 утра 10 мая. Я опять собрал своих молодых мотоциклистов, чтобы напомнить им основные принципы действий в боевых условиях. Когда в тот судьбоносный день 10 мая забрезжил рассвет, я пообещал своим солдатам, что каждый офицер нашей боевой группы всегда будет на линии огня, подтверждая таким образом принятые нами принципы руководства. В присутствии своих солдат я обменялся рукопожатиями со всеми своими офицерами, чтобы подчеркнуть свое обещание.

Атака началась точно в 5.30. Наш штурмовой отряд напал из засады на аванпост вблизи Де-Поппе и взял в плен потрясенных внезапно нападения голландцев. Мост через реку Фехт был захвачен нами неповрежденным, штурмовой отряд перерезал провода взрывных устройств.

Над нашей головой бесчисленным потоком летели в западном направлении транспортные самолеты U-52 – это наши боевые товарищи из 22-й воздушно-десантной дивизии и других частей летели к местам высадки. Германские боевые самолеты, как ястребы, со свистом пронесли в воздухе и пикировали на заранее намеченные цели.

Нас как будто охватила лихорадка. Едва только был снят пограничный барьер, мост за ним сразу же был взят под охрану, а затем мы помчались по гладкой асфальтовой дороге, как водители гоночных автомобилей. Макс Вюнше, командир 1-го взвода, мчался впереди своих солдат и увлекал их вперед своим энтузиазмом. Я двигался вслед за взводом Вюнше и был удивлен, что мы не встречали никакого сопротивления. Наше продвижение вперед к Ольдензалу и Хенгело продолжалось на полной скорости. Бетонные танковые заграждения и ограждения мостов были не защищены. Некоторые мосты были слегка повреждены взрывами, но мы могли по ним проехать.

В Борне вошли без единого выстрела. Жители Голландии стояли у дороги и наблюдали за быстрым продвижением наших войск. Саперы противника взорвали мост через канал за Борне. Но мы сломали это первое сопротивление противника и форсировали канал в считанные минуты. Для наведения мостов были использованы двери и стены соседних амбаров. Сейчас самым важным была скорость. Все мотоциклисты были посланы вперед, чтобы преследовать команды подрывников противника и не дать им уничтожить следующий мост. Оберштурмфюрер СС Краас, командир 2-го взвода, взялся преследовать команды инженерных войск противника. Между тем возводимый временный мост стал достаточно прочным для того, чтобы можно было переправиться и мотоциклам с коляской. К мотоциклам прицепили 37-мм противотанковые орудия. Стремительное преследование продолжилось. К сожалению, танки и бронемашины временно отстали. Они обеспечивали безопасность инженерных войск, которые быстро строили новый мост через канал.

К сожалению, мы не смогли помешать команде голландских подрывников причинить повреждения и другим мостам. Эти мосты, заранее заминированные, были взорваны. Но эти подрывы уже не могли серьезно помешать нашему продвижению. Мы вышли к городу Зволле без особых задержек.

Примерно в 11.30 авангард был уже на окраинах Зволле, что означало проникновение на 80 километров в глубь территории противника. Передовой взвод (под командованием Ресса) двигался к железнодорожной насыпи на юге от города, а затем, за насыпью, решил наступать дальше в пешем порядке. Какой же сюрприз ожидал наших солдат в следующую минуту! Чудесные каштановые деревья по обе стороны от дороги были срублены, чтобы заблокировать вход в город. Но какая польза от самых лучших препятствий, если они не охраняются готовыми к бою солдатами?

К северу от баррикады, всего в нескольких сотнях метров, мы увидели пулемет и долговременные огневые точки, а так же противотанковые заграждения. Что удивительнее всего, это то, что их защитники спокойно и беспечно сидели на этих укреплениях сверху и завыкали. Они наслаждались майским солнцем, покинув свои боевые посты в мрачных казематах и бункерах.

Три баррикады помешали нам прорваться прямо через линию долговременных укреплений и застать голландцев врасплох. Однако огонь, открытый нами по расчетам дотов, расслабившихся и прозевавших наше появление, позволил нашим солдатам быстро преодолеть простреливаемое из дотов пространство без потерь.

Прежде чем голландцы успели понять, что происходит, наши мотоциклисты достигли дотов и разоружили их горе- защитников. Однако на то, чтобы убрать деревья, было затрачено много усилий. Наши подошедшие танки начали растаскивать гигантские деревья. Разбор баррикад занял слишком много времени, что мне совсем не нравилось. Нельзя было дать противнику опомниться. Мы должны были использовать преимущество фактора внезапности. Ни секунды не колеблясь, я прыгнул в машину голландцев и помчался в Зволле вместе с оберштурмфюрером СС Вюнше и гренадером СС Зееленвинтером. Обершарфюрер СС Эрих сопровождал нас на голландском же мотоцикле. Я намеревался застать коменданта города врасплох и заставить его согласиться на прекращение огня.

Голландские солдаты стояли как вкопанные на улице, когда мы кричали на них и указывали на баррикаду из деревьев, где им было велено находиться. Они бросали свое оружие и направлялись, куда указано. Чем дальше мы углублялись в город, тем беспокойнее я чувствовал себя в связи с этой «экскурсией». Мне хотелось повернуть обратно, но было уже слишком поздно и приходилось продолжать эту игру до конца.

Звук стрельбы у дотов не был слышен в центре города. Голландские семьи, наслаждавшиеся прекрасным майским днем, бросились врассыпную, как испуганные куры под нависшей над ними тенью ястреба. Несмотря на чрезвычайно неловкую ситуацию, мы не могли не удержаться от смеха, наблюдая реакцию голландцев. Солидное здание гражданского учреждения в центре города и вид входящих и выходящих из него людей в форме подвиг нас к тому, чтобы попытаться счастья там. Мы въехали прямо в середину толпы, резко затормозив в последний момент. Машина, казалось, сейчас перевернется. В доли секунды на изумленных людей в форме было направлено все наше оружие. Голландцы встали как вкопанные. Уважаемый почтенный господин в гражданской одежде представился нам как «представитель королевы» и сказал, что даст указание голландским войскам в Зволле прекратить сопротивление. Он сдержал обещание. Больше ни одного выстрела в Зволле не было.

С несколькими пленными голландскими офицерами мы поспешили назад, к завалу из деревьев. Зволле был наш, но, к сожалению, мы не смогли предотвратить разрушение крупных мостов через Эйссел. Оба моста были взорваны еще ранним утром.

Меня чуть удар не хватил, когда я подъехал к разобранному заграждению – мои солдаты и несколько молодых голландцев развлекались катаясь на карусели, почти не думая об осторожности.

Тем временем 3-й батальон нашего полка СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» форсировал реку Эйссел в 800 метрах к югу от разрушенного железнодорожного моста у Зютфена.

Эсэсовцы под командованием штурмбаннфюрера (майора) СС Трабандта атаковали Хоем. Деревню взяли примерно в 14.00. Наши потери были незначительными. Миссия полковой боевой группы была выполнена. Мы вышли к реке Эйссел и частично через нее переправились. При этом в моей ударной группе единственным пострадавшим стал один солдат, который был ранен, – стрелку-мотоциклисту Флейшеру прострелили ногу у завала из деревьев.

В течение ночи наш полк был отозван из 227-й пехотной дивизии и передан под оперативное управление штаба 18-й армии. Командир 227-й пехотной дивизии генерал– майор Циквельф оценил быстрое и успешное наступление полка. Как первый офицер, так отличившийся в этой кампании, оберштурмфюрер СС Краас получил из рук генерала Железный крест 1-го класса. Краас со своим усиленным взводом продвинулся вперед за Эйссел примерно на 60 километров и взял в плен семь офицеров и 120 солдат.

Наступление на Роттердам и Гаагу

После боевых действий на рубеже реки Эйссел полк получил приказ выдвинуться к Гертрейденбергу через Хертогенбос и установить контакт с 9-й танковой дивизией. После небольших стычек с голландской пехотой мы достигли Гертрейденберга ближе к вечеру 13 мая. Контакт с 9-й танковой дивизией был установлен.

На следующее утро в 4.00 мы начали продвигаться вперед, пройдя по мосту через Маас. Благодаря действиям парашютистов мост оказался в наших руках в целости и сохранности.

Парашютистов в ходе десантирования разбросало по большой луговине по обеим сторонам насыпи моста. Многие из храбрых десантников были убиты на подступах к долговременным огневым точкам, защищавшим мост, но фактор неожиданности сработал и здесь. У противника не было возможности уничтожить этот крайне важный мост. Путь в Южную Голландию и к побережью был открыт.

9-я танковая дивизия выдвинулась к порту Роттердам и вошла в контакт с 11-й ротой 16-го полка воздушно-десантных войск. Рота была выброшена вблизи стратегических мостов с планеров, захватила эти мосты и защищала от непрерывных атак голландцев до подхода наших танков.

Задача полка была следующей: «Усиленный моторизованный полк СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» во взаимодействии с 9-й танковой дивизией пройдет сквозь Роттердам или мимо него и далее продолжит наступление по направлению к Гааге».

Полк готовился атаковать южнее Катендрехта. Приготовления были завершены к 13.00.

Роттердам должен был быть атакован в 14.40 после артподготовки и бомбардировки пикирующими бомбардировщиками U-87 «Штука» и бомбардировщиками He-111.

Мой авангард выдвинулся вперед к порту Роттердам и остановился возле большого голландского лайнера. Судно горело с 10 мая. Его груз состоял из американских автомобилей.

В 14.00 прошел слух, что голландцы ведут переговоры о капитуляции. Переговорщиками были генерал Штудент, подполковник 22-й воздушно-десантной дивизии фон Холиц и голландский полковник Шарро. Во время переговоров генералу Штуденту выстрелили в голову, и он был увезен в тяжелом состоянии.

Требовалось подтверждение того, приняты ли высшим голландским командованием наши условия сдачи. Я находился вместе с группой офицеров на мосту, когда несколько групп бомбардировщиков He-111 приблизились к Роттердаму. Голландские зенитные орудия открыли огонь по германским самолетам. Перемирие было нарушено. Мы напрасно пытались привлечь внимание наших летчиков, пуская красные ракеты для того, чтобы остановить бомбардировку. Мы стояли в середине района цели воздушной атаки и до последнего момента верили, что сможем ее предотвратить, но, как потом узнали, летчики не видели наших сигнальных ракет из-за тумана. Густые клубы дыма от горящего у причала судна создали над городом дымовую завесу. Когда мы услышали свист падающих бомб, то очистили мост и поспешили в ближайшие подвалы. Вот как получилось. Бомбардировку уже нельзя было остановить. Роттердам стал морем огня. Последняя бомба упала в 15.45.

Мы смотрели на горящий город и впервые пережили весь ужас воздушного налета. Огонь повсюду вздымался стенами. По улицам почти невозможно было передвигаться. Наши сомнения насчет переговоров на улицах горящего города были развеяны приказом о срочном отбытии. Мой авангард должен был связаться с подразделениями 22-й воздушно-десантной дивизии в Оверси (на магистрали Роттердам – Гаага).

Мы приблизились к лабиринту загроможденных улиц и искали дорогу к Оверси, углубляясь все дальше и дальше в горящий Роттердам, прикрывая лица. Люди бежали из этого ада в район порта.

Мои мотоциклисты двигались по узким улицам, которые будто оказались во власти дьявола. Витрины магазинов вокруг нас разлетались с грохотом. Горящие одетые манекены и украшения на них создавали неземную картину. Дальше мы продвигались уже по безлюдным улицам города. Не было видно ни одного голландца – всех их выгнал нестерпимый жар пожарищ.

Тяжелые бронированные машины двигались сквозь плотную завесу дыма, и иногда только задние огни ехавшего впереди танка или броневика, следовавшего за ним, указывали дорогу. Ошибки быть не могло, поскольку останавливаться было нельзя – жар стал невыносимым. После того как мы миновали торговый квартал и достигли аллеи, я велел сделать короткую остановку, чтобы дать возможность догнать нас мотоциклистам. Покрытые сажей, с опаленными волосами, но улыбающимися лицами, мотоциклисты последнего отделения выехали из горящего города. Позади нас все было уже заблокировано плотной стеной огня. Мы не могли повернуть назад, так что – вперед!

Мы осторожно продвигались в направлении Оверси под защитой дамбы канала и были встречены огнем голландской пехоты. Разводной мост через канал был поднят. Однако мы быстро взорвали приводной механизм, тяжелая машина въехала на мост, и он медленно опустился. Перед нами простиралась дорога на северо-запад. Но как выглядел этот прямой отрезок пути? Наши самолеты один за другим садились на эту широкую бетонированную дорогу. На ней уже находились и полностью выведенные из строя, разбитые или сгоревшие самолеты. Это были транспортные самолеты 22-й воздушно-десантной дивизии, которые использовали эту дорогу в качестве взлетно-посадочной полосы, когда не могли воспользоваться предназначенными для них аэродромами. Они становились мишенью голландской артиллерии. Воздушно-десантные войска стойко отбивали все атаки противника в течение трех дней. Особенно ожесточенный бой завязался в Оверси.

Мы продолжали двигаться вперед по обе стороны дороги. Пулеметный и винтовочный огонь голландцев не смог нас остановить. Мы напрасно прочесывали Оверси в поисках выживших бойцов 22-й воздушно-десантной дивизии, но кроме следов сражения и тел мертвых товарищей мы не смогли обнаружить ни одного германского солдата.

Только когда мы продвинулись дальше в направлении Делфта, к нам выбежали около десяти солдат и лейтенант. Молодой офицер в изнеможении обнял меня. Около 21.00 мы достигли Делфта и вошли в контакт с уцелевшими подразделениями окруженной 22-й воздушно-десантной дивизии. Наш полк 14 мая взял в плен 3536 голландцев.

Разоружение голландских войск в Гааге и Схевенингене (сейчас в черте Гааги. – Ред.) было завершено 15 мая без сопротивления противника. Полк взял в плен 163 офицеров и 7080 солдат. С захватом военного министерства война в Голландии для нас окончилась.

Вторжение во Францию

Полк вступил в Северную Францию. Пройдя перед этим бельгийский Намюр, вблизи франко-бельгийской границы, у Валенсьена, он впервые схватился с французскими войсками.

Задача полка состояла в том, чтобы предотвратить прорыв отрезанных в Бельгии и Северной Франции французов к югу. Все попытки противника это сделать были подавлены нашим огнем с быстро подготовленных оборонительных позиций – полк занимал тогда по фронту целых 30 километров (очень много! – Ред.).

Неподалеку от старой крепости Ле-Кенуа (20 километров к юго-западу от Валенсьена) поле, с которого только что собрали урожай, вызвало у меня ощущение нереальности. За несколько часов до этого здесь должны были располагаться лагерь тысячи французов. Теперь же не было видно ни одного французского солдата. Но бесчисленное множество французских касок лежало на огромном поле, как будто выстроившихся на парад. Аккуратно расставленные каски, как мне казалось, выражали беспомощность и слабость французской армии. Это была армия без морального духа и уверенности в себе. В ней уже не было солдат, выстоявших в битве за Верден. Эта армия сражалась без веры в свое правое дело и не имела, в отличие от нас, ясных целей.

Сражения Первой мировой войны все еще были свежи в памяти французских солдат. Они верили в неприступность своей линии Мажино и, следовательно, в неодолимость защитников этого величайшего в мире фортификационного сооружения. У Франции была не только линия Мажино, она обладала и величайшей танковой мощью (кроме СССР. – Ред.). В распоряжении вооруженных сил союзной коалиции было более 4800 танков (3100 танков. – Ред.). Эта бронетехника противостояла 2200 танкам немцев в начале их наступления (всего у немцев было 2580 танков. – Ред.). Причиной быстрого разгрома французов были, конечно, их устаревшие принципы управления (и распыление бронетанковых сил. – Ред.).

24 мая моторизованный полк СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» был передан в оперативное подчинение танковой группе фон Клейста и придан 1-й танковой дивизии. За несколько дней до этого быстро продвигавшаяся вперед танковая группа фон Клейста достигла изрезанных полей сражений у Соммы времен Первой мировой войны (битва на Сомме продолжалась с 1 июля (артподготовка с 24 июня) по 18 ноября 1916 года. Наступавшие союзники потеряли 794 000 человек убитыми и ранеными, заняв в 240 квадратных километров (!) территории, немцы – 538 000. – Ред.). Форсировав каналы и пройдя Камбре, Перон, Амьен и Абвилль, Клейст готов был взять Булонь (пала 25 мая. – Ред.). 24 мая 1-я танковая дивизия вышла к реке А у Холке и получила приказ наступать на Дюнкерк. В рамках этой операции наш полк атаковал Ваттен. В ходе ночного марша я со своим авангардом продвинулся вверх по реке и далее к холму Ваттен, 72-метровая высота которого позволяла господствовать над окружающей местностью – болотистой низменностью. Холм этот усиливал неприятельскую оборону на противоположном берегу реки А, мосты через которую были разрушены, а английские и французские войска занимали подготовленные позиции. В этих условиях холмом можно было овладеть только хорошо продуманной и неожиданной атакой. В ту ночь 3-й батальон «Лейбштандарта «Адольф Гитлер» приготовился к атаке.

Незадолго перед ее началом переправа через реку А неожиданно была запрещена приказом Гитлера. Ликвидация Дюнкеркского плацдарма противника была поручена люфтваффе. Все наступательные операции танковой группы фон Клейста были немедленно остановлены. Мы были просто шокированы этим приказом, поскольку находились на открытом пространстве на западном берегу реки А, и вздохнули с облегчением, когда услышали о решении Зеппа Дитриха прорываться с боем, несмотря на приказ Гитлера. После эффективной огневой подготовки 10-й роте «Лейбштандарта «Адольф Гитлер» удалось переправиться через А и выйти

к окраинам Ваттена на восточном берегу реки. Упорное сопротивление англичан и французов помешало продвижению переправившихся частей. Только благодаря атаке 3-го батальона «Лейбштандарта» высота оказалась в наших руках.

Холм, обрамленный развалинами старинного замка, давал нам превосходный обзор в восточном направлении. Мы стояли на развалинах, когда вдруг появился генерал, командовавший XIV танковым корпусом (Виттерсгейм. – Ред.), и потребовал объяснений от Зеппа Дитриха, почему тот наступал, несмотря на запрет. Зепп Дитрих отвечал: «Район к западу от реки А прекрасно обозревался с холма Ваттен. Эта высота стояла у всех поперек горла. Вот почему мы решили овладеть ею». Генерал Гудериан одобрил решение Зеппа Дитриха. Через несколько мгновений после этого разговора мы все лежали в грязи и были вынуждены ползком спасать свою жизнь, ища укрытия под пулеметным огнем противника. Проворность, с которой ветераны-танкисты Дитрих и Гудериан исчезли, укрывшись в развалинах, была поразительной.

В результате Гудериан приказал продолжить наступление еще дальше – в направлении Ворму – Берг. На время этой атаки наш полк был придан 20-й пехотной дивизии (моторизованной). Справа от нас атаковал 76-й пехотный полк; соседом слева был усиленный пехотный полк «Великая Германия».

Начало наступления 27 мая было отложено, потому что наведение мостов через канал не было вовремя завершено. В 7.45 из небольшого лесного участка в двух километрах к востоку от холма Ваттен последовала атака противника, которая была отражена нашей артиллерией. В 8.28 наш полк пошел в атаку и быстро продвинулся вперед. В 10.00 полковой командный пункт подвергся обстрелу тяжелой артиллерии противника, который продолжался до полудня.

В Бользеле 1-й батальон «Лейбштандарта» встретил сильное сопротивление и, кроме того, подвергся интенсивному обстрелу с фланга на участке наступления пехотного полка «Великая Германия», который плелся позади и только через некоторое время смог обеспечить фланг нашего наступления.

Стрелки-мотоциклисты в ожидании результата атаки были наготове. После взятия Бользеля мой авангард планировалось выпустить как стрелу из туго натянутого лука и, застав англичан врасплох, захватить Ворму.

Я не мог больше терять времени и попытался воочию оценить ситуацию после наступления 1-го батальона «Лейбштандарта «Адольф Гитлер». Мотоцикл без коляски казался мне подходящим «конем» для этой цели. Артобстрел на пересечении дорог вынудил меня ехать по дороге на полной скорости. Оборванные телефонные провода лежали на дороге, превращая езду в гонку с препятствиями. Вдруг я ощутил толчок и, отделившись от мотоцикла, подобно ракете, полетел в направлении дерева. С этого момента я уже ничего не помнил.

Видимо, кто-то подобрал меня и доставил в полковой командный пункт. Не особенно дружелюбный голос Зеппа Дитриха вернул меня к действительности. В соответствии с его распоряжениями я был сразу же положен на носилки и получил предписание врача ни в коем случае не вставать, поскольку от удара был контужен. Некоторое время спустя, будучи еще «лежачим больным», я узнал, что наша часть начала движение, и увидел, как мои мотоциклисты едут в направлении Бользеля. Глухой рокот двигателей мотоциклов BMW был для моих ушей как музыка. Мое столкновение с деревом было в прошлом – я должен был руководить своими солдатами.

Никем не замеченный, я спрыгнул с носилок на дорогу и вскочил на мотоцикл курьера, а затем быстро миновал передовые подразделения роты. Командир авангардной группы Вюнше приветствовал меня вопросительным взглядом, но у него не было возможности задавать вопросы. Ревя мотором, я покатил к передовому взводу и последовал в направлении Бользеля. Мои солдаты последовали за мной; они и понятия не имели, что я только что встал с носилок.

С окраин Бользеля нас встретил огонь из винтовок и пулеметов. Мы попали и под минометный обстрел – мины рвались по обе стороны дороги. Останавливаться в такой ситуации не

рекомендовалось! Так что к въезду в городок мы помчались на полной скорости. Казалось, что мотоциклы летят над булыжниками дороги; я знал, что всего несколько секунд требовалось для того, чтобы миновать опасную зону, и что мои солдаты следуют за мной без колебаний. Слева от дороги я увидел пулеметное гнездо. Мои мотоциклисты уже были вне зоны его обстрела. Во весь опор мы промчались мимо первых домов городка. За поворотом дороги мы увидели, как французы спешно возводят заграждение из сельскохозяйственных машин. Не сделав ни единого выстрела, группе Эриха удалось разоружить строителей баррикады.

Позади нас стрелки-мотоциклисты стреляли по садам слева и заставили потрясенных защитников города прекратить огонь и собраться на улице. Пятнадцать неприятельских офицеров и 250 человек рядового и унтер-офицерского состава отправились по дороге в плен. Нам пришлось доложить о двух жертвах. Во время подхода был убит унтершарфюрер СС Петерс, а у обершарфюрера СС Эриха было прострелено бедро. Наш смелый удар был успешным, но мне на пару дней пришлось передать командование своим авангардом помощнику и подчиниться распоряжениям врача.

28 мая полк, 2-я танковая бригада и 11-я стрелковая бригада двинулись в наступление на Ворму. В 7.45 танки начали движение вместе с гренадерами. Неприятель огнем своей тяжелой артиллерии попытался остановить наши танки. В артиллерии у противника было превосходство. У него также имелись здесь многочисленные пехотные части. Как раз на участке 2-го батальона «Лейбштандарта» были обнаружены два полка противника.

Я был на командном пункте нашего полка, и мне нельзя было его покидать без разрешения. Мои стрелки-мотоциклисты ожидали развития событий в Ворму. Их должны были подключить к операции после того, как городок будет взят. Кольцо окружения вокруг Дюнкерка сжималось все сильнее.

Зепп Дитрих и Макс Вюнше поехали в 1-й и 2-й батальоны «Лейбштандарта», чтобы получить ясное представление о сложившейся ситуации. В 11.50 вернулся посыльный с плохой вестью о том, что они оказались отрезанными на восточных окраинах Эскельберга.

2-я рота «Лейбштандарта» попыталась вызволить своего командира из критической ситуации, но им помешал интенсивный пулеметный и артиллерийский огонь противника. Атака 15-й роты «Лейбштандарта» также была отбита огнем оборонявшихся англичан. Усиленный взвод 6-й роты 2-й танковой бригады под командованием лейтенанта Кордера потерял четыре танка и не смог преодолеть открытое пространство. Лейтенант Кордер и фельдфебель Крамель были убиты в паре сотен метров от Эскельберга.

Оказавшийся в окружении Зепп Дитрих был хорошо виден. Он находился в 50 метрах от позиций противника. Его автомобиль стоял у дорожного препятствия.

Штабной автомобиль горел, а из кювета поднимались густые клубы дыма. Топливо пролилось в кювет, и загорелась сухая трава. В то время как все это происходило, Дитрих и Вюнше, с головы до ног в грязи, спасаясь от огня, залегли в узкой трубе, проходившей под переездом дороги.

Пять наших средних танков Т-IV и взвод легких танков Т-II пошли в атаку в направлении окраины Эскельберга. Танки, двигаясь левее дороги, наступали через парк, который упорно обороняли англичане. Англичане подожгли горячее, которое вылили на дорожки парка, так что дальнейшее продвижение танков стало невозможным. Все расположение нашего полка подвергалось интенсивному артобстрелу. Только около 15.00 3-му батальону «Лейбштандарта» удалось прорваться в юго-восточную часть Ворму.

Наш командир Зепп Дитрих в 16.00 был наконец вызволен из затруднительного положения штурмовой группой 1-го батальона «Лейбштандарта» под командованием гауптштурмфюрера СС Эрнста Мейера. К сожалению, был убит командир одного из штурмовых отрядов, храбрый обершарфюрер СС Обершельп. Обершельп был первым военным служащим унтер-офицерского состава полка, награжденным Железным крестом 1-го класса за Польскую кампанию.

2-й батальон «Лейбштандарта» неуклонно рвался вперед, несмотря на упорное сопротивление противника, стоявшего насмерть. Наши гренадеры брали дом за домом и около 17.00 смогли пробиться к рыночной площади Ворму. Все контратаки противника были отбиты. Во время внезапной атаки вражеских танков был ранен командир 2-го батальона «Лейбштандарта» штурмбаннфюрер Шютцек. Два танка противника были подбиты и загорелись; полк взял в плен 11 офицеров и 320 солдат противника. В Ворму было захвачено огромное количество артиллерийских орудий, автомашин и боеприпасов. В 23.10 наш полк при поддержке танков возобновил атаку и вынудил англичан отступить. За ночь были взяты в плен еще шесть английских офицеров и 430 военнослужащих рядового состава.

К рассвету полк, не встречая серьезного сопротивления, вышел к дороге Ост-Капель – Рекспуад. Войска противника на участке полка были полностью рассеяны и пытались спастись бегством на север к Дюнкерку, бросая военную технику и снаряжение.

Дороги, ведущие к побережью и гавани Дюнкерка, были полностью забиты. Бесконечные колонны английских грузовиков, танков и орудий сделали невозможным любое движение по ним. Количество брошенной противником военной техники было огромным. Отступление англичан приняло характер беспорядочного бегства. В 15.45 из штаба XIV танкового корпуса был передан приказ выйти из боя и готовиться к маршу. Моторизованный полк СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» переходил под оперативное управление 9-й танковой дивизии и должен был преследовать бегущего в Дюнкерк противника. Но в 18.00 по неизвестным причинам этот приказ был отменен. И опять мы только наблюдали за англичанами, оставаясь в бездействии. Нам не разрешили продолжать наступление. Оставалось смотреть, как англичане оставляют Дюнкерк и под ударами нашей авиации исчезают за Ла-Маншем. Каким бы оказался дальнейший ход войны, если бы танковой группе фон Клейста разрешили продолжить запланированную операцию против Дюнкерка и взять в плен Британский экспедиционный корпус, можно только представить.

Сражение против англичан окончилось; мы не участвовали в завершающей фазе Дюнкеркской операции. 4 июня полк перешел в ведение командования 6-й армии и оказался в районе Камбре.

Сражение на Сомме началось, и французские позиции здесь подверглись мощным ударам германских войск, которые быстро привели к ряду прорывов фронта. Наш полк находился рядом, чтобы двинуться в направлении Амьена или Перона через развилки дорог в Бапоме. Противник подтянул свежие силы. Наверное, им было приказано остановить глубокий прорыв германских войск и выиграть время для отхода французских войск, сражавшихся на Сомме, чтобы успеть создать новый рубеж обороны за Узой. Но существовала возможность и того, что противник попытается в течение ночи быстро отступить к югу.

Поэтому 8 июня планировалось атаковать четырьмя дивизиями и прорваться в юго-западном направлении. Полк был передан под оперативное управление 3-й танковой дивизии. Атака началась по плану. Прорыв французского фронта был расширен. 9 июня мы были вдруг переброшены на участок XXXXIV армейского корпуса и получили приказ выдвинуться к Суасону, Виллер-Котре, а затем в юго-восточном направлении. К тому времени, когда мои стрелки-мотоциклисты переправились через реку Эна к западу от Суасона, они были смертельно уставшими. Но времени на сон не было. Мы должны были за ночь пройти через лес в Виллер-Котре, а потом выйти к Ла-Ферте-Милон.

Глубокой ночью мы въехали в темный лес и медленно двигались по дороге, которая была сильно разбита минами и бомбами. 124-й пехотный полк расположился лагерем по обе стороны большой дороги в лесу Доксуэль. Вскоре мы миновали наши последние позиции боевого охранения и выехали на ничейную землю. Французские солдаты добровольно сдавались. Они большей частью принадлежали к 11-й французской дивизии. Нам мешал густой буковый лес,

где мы в любой момент ожидали, что наткнемся на противника, и каждый звук, казалось, говорил о присутствии врага.

Это продвижение через лес, очевидно, имело особый смысл для Зеппа Дитриха. Именно здесь во время Первой мировой войны он впервые принял участие в танковой операции и уничтожил свой первый вражеский танк.

Около 4.00 мы достигли Виллер-Котре и взяли в плен некоторое количество французских солдат. Вся ситуация уже несла на себе печать неминуемого краха французской армии. Разрозненные части 11-й дивизии французов оказывали лишь слабое сопротивление.

В 5.00 мы выдвинулись в направлении Ла-Ферте-Милон и в лесу в 4 километрах к югу от Виллер-Котре взяли в плен еще некоторое количество солдат 11-й дивизии. На небольшом расстоянии от Ла-Ферте-Милон наши передовые подразделения попали под обстрел пехоты противника, но затем деревня была быстро взята.

1-му батальону «Лейбштандарта» удалось с ходу взять Шато-Тьерри и продвинуться до взорванного железнодорожного моста. Шато-Тьерри, важный для немцев город (здесь в сентябре 1914 года и в июле 1918 года происходили тяжелые бои, во многом предопределившие дальнейший ход войны. – Ред.), был покинут французами, но огонь тяжелой артиллерии обрушился на его пустые улицы, превращая спящий город в довольно неудобное место.

11 июня мой авангард проследовал через Брюмес и Куломбе в направлении Монренила. Мы с ходу прорвали несколько рубежей сопротивления противника. Я с трудом сдерживал своих гренадеров. Начался бросок на Марну. На следующий день в 5.30 мы проехали через Монренил и застали врасплох французов во время их побудки. Они охотно бросили оружие и вышли на главную улицу. В 9.04 мы достигли Марны у Сен-Ож. Огнем из крупнокалиберных пулеметов и автоматических пушек были рассеяны колонны противника на южном берегу реки – еще до того, как мы уступили свою позицию 2-му батальону «Лейбштандарта «Адольф Гитлер» и взялись преследовать уже разбитого противника.

Несмотря на то что мы достигли намеченных целей (выход к северному берегу Марны), 2-й батальон «Лейбштандарта» форсировал реку у Сен-Ож, чтобы создать плацдарм, и таким образом обеспечил возможность последующей атаки железнодорожной насыпи у излучины Марны. В 18.50 был взят Муайи, насыпь была захвачена. С созданием этого плацдарма дальнейшие операции в течение нескольких последующих дней проходили более гладко, а противник был лишен возможности закрепиться в излучине Марны.

В течение ночи полк опять перешел в подчинение 9-й танковой дивизии. В 12.45 незабываемого 14 июня мы прослушали специальную передачу: «Германские войска с раннего утра входят в Париж...» Солдаты 11-й роты «Лейбштандарта «Адольф Гитлер» ворвались в церковь в Этрепийи и стали звонить в колокола. Мы молча стояли и слушали торжественный звон. Никто не веселился, не произносилось победных тостов, не жгли костров. Растроганные, мы восприняли это как факт и глазами провожали эскадрильи наших пикирующих бомбардировщиков U-87 «Штука», летевших через Марну и несущих смерть к югу от Парижа. Вечером того же дня пал смертью храбрых один из наших лучших младших командиров, гауптшарфюрер СС Шильдкнехт. Он стал примером для всего своего взвода.

Мы продолжали продвигаться на юг через Монмирай и Невер с приказом создать плацдарм через реку Алье неподалеку от Мулена. Мост на автомобильной дороге был взорван французами на наших глазах. Взрыв произошел в то самое время, когда лейтенант 10-го стрелкового полка попытался перейти на противоположный берег. Офицер упал вместе с мостом в быстрые воды Луары. Однако нам удалось захватить железнодорожный мост. Он был подожжен французами, но огонь не смог разрушить металлическую конструкцию моста, и мы смогли создать плацдарм. Противник оказывал лишь слабое сопротивление, хотя в распоряжении французского Верховного командования находилось все еще 70 боеспособных дивизий. Но француз-

ская армия уже не желала воевать. Нам встречались лишь отдельные очаги серьезного сопротивления.

19 июня я получил приказ разведать дорогу от Мулена до Ганны (западнее Виши) через Сен-Пурсен-сюр-Сюль. На заре мой авангард продвигался через лесистую и холмистую местность, расчищая себе путь огнем пушек и пулеметов. Отступавшие французские части опять попытались создать оборонительный рубеж, чтобы выиграть время. Эти попытки нас уже сильно не беспокоили. У нас была только одна цель: наступать дальше на юг. Фланги стали не важны. Мы двигались по дорогам подобно огнедышащему дракону. Останавливаться было нельзя. Огонь велся только из боевых машин и мотоциклов на ходу. Наше наступление начало походить на дикую охоту.

Около 10.30 мы достигли небольшой возвышенности и посмотрели вниз на Сен-Пурсен-сюр-Сюль. Я двигался с передовым отрядом и видел, как французские солдаты изо всех сил старались воздвигнуть на дороге баррикаду у входа в город. Местность по обеим сторонам дороги была открытой, и дорога на протяжении примерно 800 метров в направлении Сен-Пурсена шла под уклон. Эти неблагоприятные условия местности мешали правильной атаке города. Поэтому я решил заставить французов врасплох и захватить их позиции молниеносной атакой. Для этой внезапной атаки я выбрал передовое подразделение под командой оберштурмфюрера СС Книттеля. Я велел остальным солдатам атакующего взвода следовать в сотне метров позади и обеспечивать передовому отделению прикрытие огнем.

Французы все еще понятия не имели, что мы уже так близко подошли к Сен-Пурсену. Они спокойно собирали всякий подручный материал, чтобы забаррикадировать въезд в город.

Внезапно (для французов) наш первый мотоцикл с коляской скатился с холма и, как молния, выскочил на дорогу, стреляя на ходу. Остальные мотоциклы на полной скорости последовали за ним. Бронемашин следовало по обеим сторонам дороги и вели огонь из своих 20-мм автоматических пушек, расчищая путь наступавшим мотоциклистам. Минометы били по городу. Всего за несколько секунд разверзся ад. Я поспешил за передовым подразделением и увидел бегущих и перепуганных французских солдат, охваченных паникой, выбегавших из домов на улицу. Бешено жестикулирующие офицеры напрасно пытались заставить солдат сражаться. Потрясение было слишком велико, и эффективная оборона была уже невозможна. Только пули от отдельных винтовочных выстрелов свистели над нашей головой. За короткое время во французской баррикаде была пробита брешь, достаточно широкая для того, чтобы мы могли проехать. Здесь французами была установлена 75-мм пушка, но ее расчет так и не успел открыть огонь, так быстро действовали наши передовые подразделения.

Однако первое замешательство противника прошло, и дальше продолжать атаку на машинах было нецелесообразно. Мы наступали теперь по обе стороны от дороги в пешем боевом порядке. Свернув на главную улицу города, мы были встречены интенсивным пулеметным огнем, который заставил нас поостеречься. Но нам нельзя было дольше задерживаться; атаку нужно было проводить как можно скорее, чтобы не дать взорвать мост, находившийся на дальнем конце города.

Передовой взвод перебежками устремился к мосту. Французские пленные побежали назад, стараясь покинуть опасную зону. В 50 метрах от моста командир штурмовой группы оберштурмфюрер СС Книттель был ранен в бедро и едва успел укрыться за большим вязом до того, как вокруг нас полетели обломки взорванного французами моста. Как только немного рассеялся дым, нас встретил яростный огонь французской пехоты. Противоположный берег реки Сюль был несколько выше, что создавало прекрасные условия для обороны. В сложившейся обстановке мы оставались на занятом рубеже, и я попросил следовавший за нами батальон миновать Сен-Пурсен и попытаться захватить мост через реку Сюль примерно в 12 километрах к югу.

Тем временем за взорванным мостом противник чувствовал себя в безопасности и понятия не имел, что его полный разгром вопрос ближайшего времени. В 14.20 Йохен Пайпер, командир роты авангарда 3-го батальона «Лейбштандарта «Адольф Гитлер» направил донесение о том, что переправа через Сьюль завершена. В довершение в плен была захвачена рота противника со всей военной техникой (во время ее отхода в Ганну). 3-й батальон «Лейбштандарта» был спешно переправлен через реку и брошен в атаку на Сен-Пурсен-сюр-Сьюль. Батальон атаковал французов с тыла и смог завершить бой без больших потерь.

Мой авангард вышел из Сен-Пурсена и преследовал противника до Ганны. К 16.00 Ганна была взята без боя, и мы стали проводить рекогносцировку в направлении Виши.

Мощные завалы из деревьев на дороге Ганна – Виши не дали нам выполнить задачу до наступления ночи. Незадолго до того, как достичь Виши, мы застали врасплох остановившуюся артиллерийскую часть. Ее устаревшие грузовики не смогли подняться на крутой холм. Пушки, очевидно, остались еще с Первой мировой войны и, конечно, мало на чтогодились. Вероятно, до этого они находились на консервации где-нибудь на складе.

Мотострелковая рота успешно, не понеся потерь, разоружила французов и отправила их пешим строем обратно в Ганну. Деморализованный французский офицер стоял на дороге, мрачно взирая на пушки. Я увидел, что по его щекам лились слезы. Он запинаясь проговорил: «Какой стыд! Солдаты Вердена не должны были позволить такому случиться».

Мы обнаружили, что мост через Алье цел, и установили контакт с германскими войсками, занявшими Виши. 19 июня были взяты в плен 17 офицеров и 933 солдата. Все пленные выглядели измотанными и деморализованными.

29 июня 2-й батальон «Лейбштандарта «Адольф Гитлер» вышел к городу Клермон-Ферран и захватил на аэродроме 242 самолета различных типов. В наших руках оказались восемь танков, множество машин и другой техники. Кроме того, батальон взял в плен генерал-майора, 286 офицеров и 4075 солдат.

Взятый в плен сразу после начала атаки в Пон-дю-Шато (к востоку от Клермон-Феррана) французский капитан вызвался быть парламентаром. Несмотря на свой белый флаг, он был убит выстрелами французских солдат, когда поравнялся с позициями французов, чтобы просить о сдаче так называемого «открытого города».

23 июня наш авангард двинулся в направлении Сент-Этьена и в двух километрах к северу от Ла-Фуйоз попал под беглый огонь из-за баррикад на дороге.

Передовое подразделение въехало в подлесок по обе стороны дороги и попыталось разведать подход к дальнему концу баррикад. Я двигался вдоль рва со вторым отделением и едва миновал противотанковые заграждения, как начался интенсивный обстрел и из-за баррикады выкатился танк. Он двигался по открытому пространству, ведя огонь. Мы, как кролики, забились на дно противотанкового рва и смотрели на надвигающуюся стальную громадину. Ни живы ни мертвы, мы смотрели, как гусеницы надвигаются все ближе и ближе к краю и, казалось, соскользнут вниз, в бетонированный ров. Наконец танк остановился прямо над нами, перед самым скатом рва.

Танк и наша противотанковая пушка завязали дуэль на расстоянии всего 20 метров друг от друга. Противотанковая пушка выстрелила первой, и после звонкого удара мы услышали пронзительный свист срикошетившего снаряда. Но и второй снаряд не пробил броню танка. Она оказалась слишком толстой для снарядов нашего 37-мм орудия. Мы видели, как танк покатился прямо на противотанковую пушку и выстрелил в упор по орудийному расчету. Не дойдя всего несколько метров до уничтоженного орудия, танк развернулся и вернулся за баррикаду. Мы с облегчением увидели, что второй снаряд заклинил башню танка и экипаж уже не мог должным образом наводить пушку. К сожалению, трое истребителей танков из расчета противотанковой пушки были убиты. Они стали последними из наших солдат, погибших во Французской кампании 1940 года.

С позиции передового подразделения мне были видны в общей сложности шесть танков противника, скрывавшихся за заграждениями. Они были ветеранами Первой мировой войны, которых построили для планировавшегося и не состоявшегося наступления 1919 года (видя безнадежность продолжения борьбы, германское правительство 11 ноября 1918 года подписало продиктованные союзниками условия перемирия. – Ред.), но ни разу не участвовали в боевых действиях. Спустя полчаса танки были вынуждены отступить под снарядами наших 150-мм орудий. Дорога на Сент-Этьен была открыта. На следующее утро 1-й батальон полка «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» вошел в город и взял в плен еще несколько сотен французов.

В 21.45 24 июня мы узнали, что между Италией и Францией заключено перемирие (перемирие между Германией и Францией было подписано за два дня до этого, 22 июня. – Ред.). Боевые действия во Франции закончились. Было ли это концом войны?

Соглашением о перемирии была установлена демаркационная линия, и 4 июля нам пришлось отойти с занятой территории к северу. Затем наш полк был передан под командование 12-й армии и ранним утром отбыл в Париж. Мы должны были принять участие в предстоящем параде.

Несмотря на поражение, которое потерпела французская армия, французское население было довольно приветливо. Незадолго до того, как достичь Парижа, мы узнали о потоплении или захвате большей части французского флота британскими авианосцами, линкорами и крейсерами в портах Оран, Дакар, Александрия и других. Это глубоко потрясло французов. Никогда прежде и никогда потом я не видел так много плачущих людей, как тогда во Франции. Действия Черчилля рассматривались не как военная акция, а как преступление.

Париж был окружен плотным кольцом частей дивизии фон Бризена. В центр города можно было войти только с разрешения и с пропуском из штаба. Я со своими мотоциклистами воспользовался возможностью осмотреть достопримечательности Парижа. Поскольку планировавшийся парад был сначала отсрочен, а потом в конце концов отменен, полк покинул Париж и двинулся в Мец.

Я попросил у Зеппа Дитриха разрешения отбыть на двадцать четыре часа раньше, чтобы показать своим солдатам политые кровью поля сражений Первой мировой войны у Вердена (битва под Верденом продолжалась с 21 февраля по 18 декабря 1916 года и стоила немцам 600 000 убитыми и ранеными, французам – 358 000. – Ред.). Разрешение было дано, после чего около ста солдат собрались 28 июля 1940 года у форта Дуомон.

Вместе мы пробирались через казематы, которые двадцать четыре года назад были взяты гауптманом фон Брандисом, обер-лейтенантом Хауптом и их храбрыми бранденбургскими гренадерами (25 февраля 1916 года. – Ред.). Мы стояли, под глубоким впечатлением, перед огромным казематом, ворота которого были замурованы и за которым бесчисленное количество германских солдат нашли вечный покой.

Изрытая земля в районе вокруг разрушенного форта Дуомон недвусмысленно говорила сама за себя. Ряды воронок, картина лунного пейзажа. Невысокая трава не могла скрыть страдания этой земли. Траншеи пересекали местность, словно глубокие морщины.

Между фортом Дуомон и казематом-склепом мы обнаружили свежую могилу нашего павшего боевого товарища, который расстался со своей молодой жизнью всего несколько недель назад. С обнаженной головой мы стояли у этой заброшенной могилы и глядели на бесчисленное множество могил слева от нас. Тысячи и тысячи деревянных крестов выстроились стройными рядами. Слова были бессильны выразить переживаемое нами. Здесь находились невидимые полки, прежнее существование которых было отмечено крестами.

От каземата-склепа мы медленно поднялись к форту Во и попытались представить себе неимоверные усилия германских и французских солдат, расставшихся с жизнью на этой высоте в июне 1916 года (форт Во был взят немцами 7 июня. – Ред.). Мы взобрались на перепаханную снарядами вершину холма, на котором стоял форт, и попытались проследить путь лейтенанта

Киля, который примерно с сорока гренaдeрaми 2 июля 1916 гoдa вышeл к цeнтру фoртa (пeрeхoдившeгo из рук в руки) чeрeз вoстoчный рoв. Вскoрe мы бросили этo зaнятиe. В пeрeрытoй зeмлe ужe ничeгo нeльзя былo нaйти.

В этoм мeстe склoннoсть чeлoвeкa к рaзрушeнию измeнилa лицo зeмли. В свoeм вooбрaжeнии мы пpeдстaвлялeи сeбe тeмные тeни прoдвигaвшихсe впeрeд гренaдeрoв, прoрывaвшихсe сквoзь урагaнный oгoнь и прoлoм вo внeшнeй стeнe рвa. Мы пpeдстaвилeи сeбe, кaк нeмeцкиe сaпeры испoльзoвaли oгнeмeты прoтив aмбразур, из кoтoрых вeлся oгoнь, и нeйтрaлизoвывaли рaсчeт пушки в брoнирoвaннoй бaшнe. Сeгoднe этa брoнирoвaннaя бaшнa лeжaлa, рaзбитaя, пeрeд нaшими нoгaми.

Кoгдa я рaссaзывaл свoим сoлдaтaм o пoлoжeнии, в кoтoрoм нaхoдился фрaнцузский гaрнизoн, мнe кaзaлoсь, чтo я слышу oглушитeльный грoхoт фрaнцузскoй aртиллeрии, кoтoрaя пытaлaсь пoдaвить гeрмaнских гренaдeрoв, взятых фoрт Вo. В тeмных кoридoрaх фoртa мы oбнaружили слeды oгнeя нa стeнaх и пoтoлкaх кaзeмaтoв и узнали эффeкт вoздeйствиe нeмeцких oгнeмeтoв. Пoтрясeнные, мы стoяли у цистeрны, кoтoрaя oтчaсти стaлa винoвницeй пaдeния, пoслe трeх мeсяцeв бoрьбы, фoртa Вo, и живo oщутили aгoнию умирaвших oт нeвынoсимoй жaжды фрaнцузских сoлдaт. Нo и нeмцы, взятые 7 июля фoрт, oкaзались в тaкoм жe пoлoжeнии. Пoт и крoвь были нa кaждoй бутылкe вoды, кoтoрaя пoпaдaлa в фoрт, прoйдя чeрeз бурю oгнeя и мeтaллa.

Пoсeщeниe этoгo истoричeскoгo мeстa прeврaтилo мoих тoвaрищeй в мoлчaливых слyшaтeлeй. Нe прoизнoсeя ни eдинoгo слoвa, oни oкружили мeня, кoгдa я рaссaзывaл им o гeрoичeских срaжeнияx 8 июля 1916 гoдa. В тoт дeнь фрaнцузы aтaкoвaли сeмь рaз, пытaясь вeрнуть фoрт. Нo oбeссилeннe нeмцы срaжались кaк oдeржимые. Oни нe сoбирались сдaвaть взятую цeнoй стoльких жeртв крeпoсть.

В сумeркaх мы прoшли путeм грoппы из двaдцaти oднoгo сoлдaтa и двух гeрмaнских oфицeрoв, кoтoрые прoрвaлись тoгдa чeрeз зaгрaдитeльный oгoнь фрaнцузoв и усилили oтряд oбoрoнявшихсeя. Этo были oстaтки двух нeмeцких рoт. Всe прoчeиe oстались нa пoлe бoя.

Пoд пoкрoвoм нoчи нaши мaшины двигались в вoстoчнoм нaпрaвлeнии. Пoсeщeниe пoля срaжeния сдeлaлo нaс бoлee oстoрoжными. Вeрдeн нaучил нaс, чтo, нeсмoтря нa двe пeрeжитые кaмпaнии, мы всe eщe нe испытaли тeх ужaсных лишeний, кoтoрые выпaли нa дoлю нaших oтцoв.

Формирование разведывательного батальона в Меце

29 июля мы расположились в форте Альверслебен в Меце (Мец был взят немцами 16 июня. – Ред.). Форт находился к западу от Мозеля, и из него открывается вид вдаль на живописную Мозельскую долину.

В форте мы обнаружили старые батареи германских пушек Круппа начала XX века. Имелись даже боеприпасы к ним – они хранились, аккуратно разложенные, рядом с пушками. Инвентарная опись пушек также имела немецкое происхождение. Германские артиллеристы были вынуждены сдать эти пушки, а также земли Лотарингии и Эльзаса, завоеванные Пруссией в 1871 году (после чего произошло объединение, под эгидой Пруссии, немецких земель и образование Германской империи. – Ред.), французам в 1918–1919 годах.

Затратив много труда и усилий, нам удалось приспособить форт для размещения войск. Крепость должна была стать тренировочным лагерем для только что созданного разведывательного отряда «Лейбштандарта «Адольф Гитлер» (с августа полк «Лейбштандарт» развернут в бригаду. – Ред.).

Мне доверили его формирование в августе. Основу подразделений могли составить имевшиеся в моем распоряжении 15-я моторизованная рота, взвод бронемашин и взвод связных-мотоциклистов бывшего полка. Мне разрешили отобрать дополнительный личный состав из мотоциклетного батальона пополнения в Эльвангене.

Мне не пришлось долго заниматься поисками в Эльвангене. Молодые стрелки-мотоциклисты хотели присоединиться к боевым частям и были рады оставить свои тыловые казармы. Отличные, крепкие молодые солдаты окружили меня, как только я спросил, есть ли добровольцы. Это были молодые люди, которым только что исполнилось восемнадцать, и они были солдатами всего шесть недель. В течение нескольких дней новый батальон в Меце был укомплектован и приступил к выполнению программы интенсивной подготовки. Молодым ребятам все было по плечу. Они с энтузиазмом следовали указаниям своих инструкторов и превратились в закаленную как сталь команду. Старые поля сражений Франко-прусской войны 1870–1871 годов при Марсля-Туре (16 августа 1870 года) и Сен-Прива и Гравелоте (18 августа 1870 года) стали тренировочной зоной для мотоциклистов и разведчиков на бронемашинах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.